

Марк Финсбури

ЛЕСТНИЦА В НЕБЕСА

сборник стихов

Марк Финсбури
Лестница в небеса

«Издательские решения»

Финсбури М.

Лестница в небеса / М. Финсбури — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-532725-3

В новом сборнике автора Марка Финсбури представлены стихи, написанные в разное время, в период с 2011 по 2020 год. Взгляд в прошлое и размышления о будущем, лирика и юмор, стихи о вечном и о земном...

ISBN 978-5-00-532725-3

© Финсбури М.
© Издательские решения

Содержание

Тишина	6
Осень	7
Ни о чём	8
Фригийский ми минор	9
Хайгейтское кладбище	10
Смог	12
Времена года	13
Молчание	14
Ландыши	15
Новый год	16
Печаль и Грусть	17
Петруха	18
8 Марта	19
Хаос и суета	20
Знать бы	21
Пасмурный день и белая ночь	22
Между стенами и зеркалами	24
Воровская ода	25
Цветы, цветочки в горшочке...	26
Танцы под луной	27
Ой, доеду, доскачу	29
Бездарность	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Лестница в небеса

Марк Финсбури

Редактор Неля Бирюк

Корректор Алена Порохнина

Дизайнер обложки Оксана Пурман

© Марк Финсбури, 2021

© Оксана Пурман, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0053-2725-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Тишина

Ну, вот и всё, и занавес упал...
Разлуки час, пустых надежд финал.
А ветер чувств, запутавшийся в сеть,
Песчаных замков след успел стереть...

И вот – молчанье... Ночь и тишина.
А мне в ночи слеза твоя видна —
Она мольбою к небу вознеслась,
Как будто просит милости для нас.

Тиха морская гладь, туманна мгла,
И мы – два одиноких корабля,
Плывём с тобой неведомо куда,
Холодным светом нас ведёт звезда.

Мы навсегда расстанемся опять,
С надеждой продолжая встречи ждать...
И вновь – молчанье, ночь и тишина,
И – времени безмолвная стена...

Осень

Вот девица росла и румянилась,
Да созрела и в пляс ударилась.
Вся оделась в одежды пёстрые,
Бубенцы зазвенели звонкие.

Щёлкнет пальцами длинными с перстнями —
Разверзаются хляби небесные.
Каблучками пристукнет чёрными —
Взвоят ветер псами бездомными.

Под дождём танцевала с ветрами,
Лишь бы дни не казались серыми.
Да руками своими, ветками,
Угощала плодами спелыми.

Но ветра и дожди холодные
Все одежды сорвали мокрые.
Осень душу мою взъерошила
Да в постели морозные бросила.

Ни о чём

Почему? Отчего
Так нелепо смещается время,
Не звенит за окном
Сладкозвучная песня апреля?

Почему? Отчего
Прорасти не торопится семя?
Не войти в колею,
Не попасть, не пристроиться в стремя.
Только начал разбег,
И уже истекло твоё время.

Почему? Отчего
Ты добраться не можешь до цели?
А кому-то везёт —
Он шутя разбивает мишени.

Почему? Отчего
Одному только встать бы с постели,
А другому с небес бы на землю,
Третьи вовсе, как факел, сгорели?..

Это всё потому,
Просто всё оттого,
Чтобы мог ты спросить —
Почему?.. Отчего?..

Фригийский ми минор

Мелодия забытая слышна,
Мотив знакомый в воздухе кружится,
В импровизациях немислимых Творца
Мелькают интервалы, ритмы, лица.

Влезаю снова в чей-то до мажор,
Но понимаю после очень быстро:
Он превратился для кого-то в ми минор,
Звучит печально, искренне и чисто.

Фламенко и восток, мотив еврейский...
На низкий старт я со второй ступени низкой
Срываюсь вспять, чтоб снова вверх упасть —
Мне так знаком мой ми минор фригийский.

Хайгейтское кладбище

Осенний Лондон. Грусть гоня,
Один по улицам брожу.
Вот – кладбище Хайгейт, и я,
Сорвав цветок, сюда вхожу...

Нет, фильмы ужасов во мне
Не пробуждали интерес,
А тут так явно, не во сне,
Я чувствую – они все здесь!

Унылые ряды гробниц
Обвиты лентами лиан.
Не помня временных границ,
Безмолвствует могильный стан.

Стволы деревьев к облакам
Шатры могучих крон несут,
И робким солнечным лучам
Нельзя пробиться сквозь листву.

Царит здесь вечный полумрак
И вечный ледяной покой,
Никто не потревожит прах
Тех, кто лежит в земле сырой.

Здесь, позабыв огонь вражды
И спрятав распри под кресты,
Спят пролетарские вожди,
Спят короли, тузы, шуты.

И принц, и нищий – все равны,
Равны должник здесь и банкир.
И нет причины для войны —
Здесь нерушимый вечный мир.

Иду к могиле и на ней
Читаю: «Карл Генрих Маркс»,
В былом – могильщик королей,
Гонитель буржуазных масс.

А грозный бородатый лик
За всем здесь будто бы следит.
Нет, он не умер и не сник —
Он просто сном спокойным спит...

Пройдут когда-нибудь дожди,
С гробниц молчанье унесут —
Вновь пролетарские вожди
Поднимутся и в бой пойдут.

И поведут опять полки,
Как сотни лет тому назад.
И снова встретят их штыки,
И – в небо журавли взлетят...

И снова из людских костей
Построят чудный город-сад,
Наговорят опять речей
О славном мужестве солдат.

А просвещённые сыны
Сплетут трактаты о любви,
О том, как предков развели
Длиннобородые волхвы...

Смог

Она долго ждала,
Но всё зря – он не смог.
Он хотел, но над городом смог.

Серой мглы пелена застелила глаза,
Небеса вдалеке и не видно огня,
Лишь вода да над городом смог.

Он всё тешил себя —
Есть, мол, выход всегда,
Если входа найти вновь не смог...

Он не понял, что смог
Притаился в душе,
Потому и не смог,
И казалось везде

Смог и нету огня,
Лишь тумана кругом пелена.

Времена года

Закрылись шторы летние,
Осенняя тоска
В снега укрылась белые
И снится ей весна.

Когда повсюду дивные
Распустятся цветы,
И песней соловьиною
Наполнятся сады.

Качнулись шторы летние —
Позёмкою пыля,
Грядёт метель последняя
В нарядах февраля.

Вот подобрался крадучись
Из-за угла к ней март —
Весна кипит от радости,
В снегах ручьи журчат.

Апрель же без стеснения
Сорвал с зимы меха,
А май уже последние
Ей произнёс слова.

С июня и до августа
Царили лета дни.
В похмелье погружались мы,
Нам пели соловьи.

Закрылись шторы летние —
Осенняя тоска
В снега укрылась белые
И снится ей весна...

Молчание

Я молчаньем своим всколыхну тишину.
Всё, что нажито честным, безмолвным трудом,
Без остатка лишь ей я теперь отдаю,
Застилая ей путь молчаливым песком.

В молчаливых садах мы с ней днём посидим,
О былом и грядущем я буду молчать.
Суету прогоню я молчаньем своим,
Молча будут вьюны её дом обвивать.

В молчаливых цепях я предстану рабом.
Молчаливые кольца я ей подарю.
На пути появлюсь молчаливым крестом,
Ожерельем молчанья её обниму.

А уж ночью смолчу так смолчу обо всём:
О несчастной судьбе, о тоскливой луне.
За обман буду жечь молчаливым огнём.
Не кричи, помолчи – я ж теперь в тишине.

И о главном смолчав, я смолчу о смешном —
Что когда-то, как конь, предавал тишину.
Но теперь всё ушло, унеслось журавлём.
Погрустив о былом, я с тобою молчу...

Ландыши

Отвоевался месяц март,
Выходит Майя¹ на поля.
Дубы листвою шелестят,
Готова к празднеству земля.

Там в поле ландыши горят —
Звенят вовсю колокола.
Их нежный запах, как набат —
Победу празднует весна.

Цветочный благовест звучит,
За ним живое всё спешит
На литургию, в храм Творца —
Ликует, вертится земля.

¹ От имени римской богини плодородия Майи произошло название месяца Май.

НОВЫЙ ГОД

Новый год, будь поистине новым!
Старый пусть свой покой обретёт —
Пусть под сказочной ночи покровом
Незаметно он в вечность уйдёт.

Словно старец при встрече с младенцем,
Улыбнувшись, уснёт навсегда.
Всё, что важно, останется в сердце,
А пустое уйдёт в никуда.

Нет, я знаю, что зло не умолкнет,
И что счастье не всех нас найдёт.
Знаю, в этой безудержной гонке
Жизнью многих с дороги сметёт.

Но пусть души мечтой обновятся,
Пусть младенец растёт на глазах.
Наши дни пусть подольше продлятся,
Пусть поселится вера в сердцах!

Печаль и Грусть

Печаль и Грусть – две дамы в сером одеянии,
Две вечных спутницы измученной души.
Они и боль тебе приносят, и страдание,
Когда житейский ураган твой мир крушит.

Но если в пылком сердце, бьющемся неистово,
Две этих странницы приют себе нашли,
Надежду, веру и любовь ты всё ж не выстуди,
Печаль и грусть для вдохновенья лишь зови.

А жар огня от грусти больше раздувается,
И чудных слов ложатся строки на листок,
В душе твоей тогда негромко изливается
Надежды, веры и любви живой исток.

Ну а когда в твоей душе тепла нет более,
Придут за грустью и печалью сёстры их —
Хандра, уныние, и скорбь, и меланхолия,
И вот финал – опустошенье чувств твоих...

Не отдавайся мрачным мыслям ни на миг —
Надежды, веры и любви храни родник!

Петруха

Купили мы «Petrov» литровый,
Хотели скрасить бытиё,
Но так мешал мороз ядрёный
И не давал распить его.

Домой нельзя – там дети, жёны,
Там разыграется скандал.
Петруха только вышел с зоны,
«Идём к нему», – один сказал.

Да хоть к кому, к теплу бы только —
Окоченели ведь совсем!
Кругов уж намотали столько!
Часы показывали семь...

Подходим – серая хрущёвка,
Подъезд без света, в дверь звоним.
Спросили – кто? – за дверью звонко,
Ответил тут из нас один...

Перед собой, в потоке света,
Я увидал лик с бородой —
Казалось, он спустился с неба,
Глаза сияли добротой.

Вошли. Столь скромное убранство —
Кровать стальная, стулья, стол,
Под ним котят слепое братство
Сосало кошку впятером.

Налили, выпили, налили...
Уж завязался разговор.
«А долго ль за забором были?» —
Спросил я у него в упор.

«Да, уж лет сорок и поболее,
Я ж на свободе месяц, два...
Скорей, в гостях я тут, на воле,
Там за забором дома я»...

Сидел он с длинной бородою,
Глаза сияли добротою,
О, как обманчив мир подчас —
Я это понял в сотый раз.

8 Марта

Февраль, 23-е по старому стилю,
Стал 8-м марта, праздником – былью.
Был он суровый, морозный – теперь
Нежный, уютный, стал он теплей.

Раньше лишь Карл всегда воровал,
Вечно у Клары кораллы таскал,
А нынче и Клара нередко крадёт
У Карла кларнет, с Розой песню поёт:

Ах, розы, розы,
Ах, женское счастье,
Станем же, сёстры,
Теперь мы как братья.

Станут и братья
Как сёстры теперь,
Им не уйти никуда,
Верь – не верь.

С песней по жизни и только вперёд,
Там впереди Клара с Розой² идёт.
Громче же пойте сегодня, друзья,
И без оглядки – назад ведь нельзя!

² Имеются в виду революционерки Клара Цеткин и Роза Люксембург, предложившие идею празднования международного дня солидарности женщин в борьбе за свои права.

Хаос и суета

Хаос и суета в союзе бесконечном,
Порядок и покой – их враг извечный.
Всегда преградою движеньям хаотичным
Бесцеремонно насаждают строй, унылый и статичный.

Но в столкновенье их – рождение жизни.
Порядок ледяной, покой застывший
В движение приводят
Капля хаоса и суетливость мысли.

Пусть осмысленность владеет жизнью,
Но хаосу и суете предел да будет гармоничный.
В мелодии прекрасной диссонанса тонкой нитью
Пусть придадут они оттенок лаконичный.

Знать бы

Зачем он себя не сокрыл от тебя?
Не высосан был бы любовью.
Не стоит теперь он уже и гроша
В пальтишке, изъеденном молью.

Ах, если бы знать мог, зачем он тогда
Зарёй не укрылся под небом.
И если бы знал он, где быть, а где небыль,
То стал бы метелью и снегом.

Тебя отгонял бы он стрелами молний,
Пугал бы грозою и ветром.
Он солнцем палящим стоял бы в безмолвии,
И землю усыпал бы пеплом.

В ковчег не пошёл бы, и повод нашёл бы,
И рогом упёрся бы в землю,
На склон Араратской горы не взошёл бы,
Под водной остался бы твердью.

А ты в океан потекла бы рекою,
Неслась бы, шумела, как прежде.
Пусть он и родится, но ведь родила ты
День новый в любви и надежде.

Пасмурный день и белая ночь

День и Ночь.
Между ними закат и рассвет.
Тьма встречает свой свет,
Свет блуждает впотьмах.
И сменяют свой бег
Миллионами лет,
Друг для друга – то дом,
То приход, то тюрьма...

Лишь из тьмы появляется свет.
Лишь из света рождается тьма.

Но была одна Ночь...
Как и был один День,
Тот, который хотел
И сиять, и светить.
Но разгневалась ночь
И решила в ответ —
«Что же, буду тогда
Беспощадно темнить!»

Ветер вмиг призвала.
Тёмных туч легион
Заслонил небосклон,
Стрелы молний метал.
Солнце спрятала тьма.
Залило всё дождём.
Стало мрачно кругом.
Гром гремел и пугал.

Чист, наивен был День.
Тьма его не смела.
Всё пытался лучи
Сквозь потёмки дарить.
Злилась Ночь, возомнив,
Что такие дела
Точно лучше и краше,
Чем солнцу светить.

Издавались над ним
Ветер, тучи и гром.
Бесновались, пытаясь
Надежды убить.
Всё шипели ему:
«Так тебе, поделом.

А то ишь, захотел
В светлом мире пожить».

Это был один день,
И была одна ночь...
Полоумный закат
Воскресает в рассвет.
Обессиленный День
Захандрил, изнемог.
В тучах спрятался свет,
Мир как будто раздет.

Чист, наивен был День.
Верил, что смерти нет,
Горизонтом укрыл
И лучами согрел,
И дивилась земля,
Что устала от бед,
Как настырная тьма
Превращается в свет.

Так бывает порой:
Мрачный пасмурный день,
Но за ним идёт ясная,
Белая ночь!
Когда солнце сокроет
Пытливая тень —
Бесконечного Севера
Летняя дочь.

Между стенами и зеркалами

Между стенами и зеркалами,
Поспевая за бегом минут,
По составленной кем-то программе
Люди в мире привычно живут.

Стены их от невзгод защищают,
Берегут от ненастий и бед,
Зеркала каждый шаг отражают,
Напрямую давая ответ.

Люди с этим давно согласились
И бежать никуда не хотят —
За высокими стенами скрылись,
В зеркала безмятежно глядят.

Ждать у зеркала можно часами —
Не устанет оно отражать.
И у стен можно плакать годами,
Но они так и будут стоять.

Суждено ли нам всем от рожденья
Непременно попасть в этот плен —
Видеть только своё отраженье,
Пряча сердце меж каменных стен?

Надо к свету идти, надо верить,
Надо мир в своё сердце впустить,
Если в стенах есть окна и двери,
Надо их поскорее открыть!

Но, отдавшись привычкам извечным,
Мы не можем уйти от зеркал —
Отражаемся мы бесконечно,
Возвращаясь к началу начал.

Вновь у стен – палестинской, кремлёвской,
У берлинской мы будем стоять,
И они, так сурово и жёстко,
Снова будут нас всех разделять.

Воровская ода

Ведь закон это тот же вор,
Он ворует чью-то свободу.
Запрещает кому-то то,
Что тот хочет сразу и много.

Значит, вор и закон – одно,
И один на страже другого.
И тот, кто преступит закон,
С вором встретится скоро.

И пусть суров приговор,
Но нам не дано иного.
И всякий вор – прокурор,
Это ясно, проще простого.

Гуляет народ в России
С древности и поныне.
Как дань за дела шальные
Горят купола златые.

Клевещут языки злые,
О крахе разносят весть,
Но если воруют в России,
То есть, что в стране унести.

Цветы, цветочки в горшочке...

Любил он цветы, цветочки,
В горшочке росли они,
Он их поливал, и почки
Весной вырастали в цветы.

Зимой раз, в одной сорочке,
Он пьяный глядел в окно,
Ругался он матом, и почки
Весной не раскрылись – зло

Убило цветы, цветочки,
В горшочке стоят они.
Простите ж его, листочки,
За пьяные злые дни.

Танцы под луной

Дитя стихий. В тебе пустыни зной,
Степей бескрайних вольный дух и воздух,
Дорог извилистых загадочный покой,
И на постой заглядывают звёзды.

Где приклонишь главу, там дом тебе,
Младая кареглазая царица.
Но не изведать, не узнать в мольбе,
Где царства благодатного граница.

Хотя всем тем, кто изнемог в пути,
Чьё сердце жаждой жгучею томится,
Даёшь миг краткий счастья обрести,
Из родника свободного напиться.

В твоих кругах не знают слова «раб»...
Мирское необузданное братство.
Но гордый дух здесь может стать и слаб,
Коль попадает в чувственное рабство.

Груди твоей волнительный подъём,
Изгиб плечей и глаз пытливых омут,
Волос пшеничных скрытый чернозём
Поселят в теле пленника истому.

И талии чарующий уклон...
И сочных губ так хочется добиться...
Увы, несчастный точно обречён,
Проигран бой, хотя победа снится.

Но это лишь опасные мечты...
За миг в змею способна превратиться.
То птицей хищной обернёшься ты,
То самкой леопарда, то тигрицей.

Волчица дерзкая, чья грациозна стать.
Тебе под стать шикарные наряды.
Ты сердце в клочья можешь разорвать,
Что для тебя обычная награда.

Но только скажет: «Всё, я побеждён», —
В котёнка ты готова обратиться.
И он уже как заново рождён,
Читая нежности запретные страницы.

Теперь и я окутан нежной тьмой.
Попал в полон, прекрасная царица.
О, горе мне... Я чувствую, с тобой
Мне суждено неистово сразиться.

Гитарный стан...
Натянутой струной
Душа твоя поёт и веселится.
От глаз и губ потерян мой покой.
Я слышу музыку и буду славно биться.

Сквозь шум степей, пустыни жгучий зной,
Сквозь пыль дорог
пройду, не испугаюсь.
И свежий ветер станет мне судьбой.
Хочу, чтоб звёзды нами восторгались.

И мы закружимся в феерии ночной
Так, чтоб тела клубком тугим сплетались
В безумном танце под большой луной,
Под вой всех тех, что позади остались.

Ой, доеду, доскачу

Ах ты, зима, всё метель замела.
Так не морозь ты меня и коня.
Столько я ехал, я столько скакал,
Мчал на огонь, да повсюду завал.

Путь замело и белым всё бело.
Снегом укрытые, дремлют поля,
В белых перинах любовь спит моя.
Ой, ли доеду? Ой, ли доскачу?

Бью да по рёбрам стегаю коня,
Друг мой, прошу лишь, не скинь седока.

Бездарность

Все воспевают гений и талант,
Не счесть величию хвалебных гимнов.
Бездарностям лишь песни не звучат —
Они в плену у грёз своих наивных.

А я бездарность одой помяну.
Пусть возвышается громадой серой.
Суровый фон я этот всюду узнаю,
На нём талант сияет чей-то полной мерой.

Она, как глина и песок,
Скрывает самородок ценный,
Но их уносит времени поток,
Всем открывая чей-то дар нетленный.

Бездарность, ты, как тьма в ночи, темна,
Но в этой тьме мерцают звёзды ярко.
Пусть за звездою загорается звезда —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.